

whole quarter, whose parts were preserved and later included in the new palatial complex of the late Ugarit. It is highly probable that the Northern palace was built already in the 18th cent. B. C. survived the period of the decline together with few other buildings and was left as soon as the new revival of the city gave the opportunity to construct a more luxurious royal residence. The Northern palace was left indeed about 1550 B. C. without any military or natural upheavals; all the furniture was taken out, no attempts to restore the building were undertaken. Gradually the ground was taken over by the modest living quarters of the city.

Since the northern slope of the tell has been heavily damaged by the erosion one can see the Northern palace practically in the centre of the old north-western part of the hill and on the same axis with the temples of acropolis, which, obviously, was the point of orientation for its main eastern facade.

2. The new palace was transferred to the periphery of the tell. Several reasons could possibly influence this re-organization. The abandoning of the Northern palace could have been caused by the change of the political and general cultural orientation of Ugarit at the moment, when the Hurrian population of the city attained a certain power. It could have been the rulers of a new dynasty who erected the new residence on the new place. The King List of Ugarit (KTU 1. 113) does not reflect any interruptions in the rule since the time of Northern Palace. The Great Royal Palace was obviously built after the Ugaritic epic, with the important pieces about Keret and Daniel, the mythic kings, had been recorded and, thus, canonized; the inner structure of the residence proves to match the peculiarities of the royal cult.

3. The functions of the citadel have been confined to the defence of the palace. The destructions in the middle 14th cent. BC were followed by the general refinement and reconstruction in the western area of the palatial precinct. The growth and consolidation of the palatial quarter within the city isolated the north-western part of the tell from the inner residential areas.

© 1999 г.

ПИФАГОРЕИЗМ В РИМСКОМ АВГУРАЛЬНОМ ПРАВЕ

О греческом влиянии на Рим и римское право написано много как в отечественной, так и в зарубежной литературе¹. Однако, как правило, в этой литературе речь идет о достаточно позднем влиянии, относящемся уже ко II, в лучшем случае к III в. до н.э. Когда же говорят о влияниях архаической эпохи, на первом месте стоят этруски². Что и говорить, влияние этрусков, особенно в эпоху правления этрусской династии, неоспоримо. Однако в античной традиции существовало устойчивое убеждение в глубоком греческом влиянии именно на архаический Рим вообще и на римское право в частности. Как, например, понять следующие слова Дионисия Галикарнасского (I. 90. 1): «Римляне же говорят на наречии не вполне варварском и не совершенно эллинском, но на каком-то смешанном из обоих, большая часть которого – эолийская. Единственное, что они почти не восприняли из многочисленных взаимосвязей – это правильное произношение речи. В отношении же всего остального есть признаки (их) эллинского происхождения». Известно, что Дионисий был не только историком, но и прекрасным филологом, знающим как греческий, так и латинский языки³, следовательно, его

¹ Покровский М.М. История римской литературы. М.–Л., 1942. С. 18–20; Waszink J.H. Zum Studium der griechischen Einflüsse in der lateinischen Literatur // Antike und Abendland. 9. 1960. S. 109–122; Pringsheim F. Griechischer Einfluss auf das römische Recht // BIDR. 1960. LXIII. P. 1–17; Humm M. Les origines du pythagorisme romain. Problèmes historiques et philosophiques // Études classiques. Namur, 1996. T. 64. № 4. P. 339–353.

² De Martino M. Storia arcaica e diritto romano privato // RIDA. 1950. 4. P. 387–408.

³ Fascione L. Il mondo nuovo: la costituzione romana nella «Storia di Roma arcaica» di Dionigi d'Alicarnasso.

утверждение о сильном влиянии эолийского диалекта греческого языка отнюдь не голословно. Конечно, слова Дионисия не следует понимать буквально, однако, несомненно, в них есть рациональное зерно⁴. Впрочем, такой известный отечественный эпиграфист как проф. Е.В. Федорова, вполне убедительно продемонстрировала в своих работах именно древнейшее влияние греческого языка на латынь⁵. Многие современные этимологические исследования в области социально-экономической и юридической лексики также обнаруживают глубокое влияние греческого языка на архаическую латынь⁶. Как известно, проникновение одного языка в другой – свидетельство, как минимум, сильнейшего культурного влияния, так как слова из чужого языка приходят лишь вместе с усвоением их понятийной нагрузки. Впрочем, как археологические открытия последних десятилетий, так и многочисленные научные исследования подтверждают глубокое взаимопроникновение культур и создание общеталийского культурного койне именно в архаический период⁷.

В этой статье хотелось бы остановиться лишь на одном, хотя и весьма важном проявлении этого влияния – воздействии западногреческой культуры на римское авгуральное право VII–V вв. до н.э. Дионисий Галикарнасский в качестве важнейшего аргумента близости римского и греческого народов указывает на различные религиозные культы, идентичные у обоих народов⁸. Действительно, хорошо известны, например, так называемые «аргейские места» в Риме и «аргейские жертвоприношения», совершаемые «по греческому ритуалу»⁹. Но особенно сильно в античной, как греческой, так и римской традиции убеждение в том, что легендарный основатель римского сакрального права – царь Нума Помпилий – был учеником греческого философа и политического деятеля Пифагора¹⁰. Любопытно, что сами древние авторы прекрасно понимали всю нелепость такого утверждения, ведь согласно традиции Нума жил за 140 лет до появления Пифагора в Италии¹¹. Тем не менее многие античные авторы, и в частности Цицерон¹², отмечают идентичность или близкое сходство акусм (правил)

Napoli, 1988. P. 33–40; *Соболевский С.И.* Дионисий Галикарнасский // История греческой литературы. М., 1960. С. 156. См. также *Dionys.* I. 7.2.

⁴ О концепции греческого происхождения римлян написано очень много. Прекрасный обзор научной литературы по этой теме дается в статье: *Gabba E.* La «Storia di Roma arcaica» di Dionigi d'Alicarnasso // ANRW. II. 30. I. В. – N.Y., 1982. P. 799–816. См. также *Strabo.* V. 3. 3; 5; *Serv. Aen.* I. 292.

⁵ *Федорова Е.В.* Введение в латинскую эпиграфику. М., 1982. С. 48–61; она же. Ранняя латинская письменность. VIII–II вв. до н.э. М., 1991.

⁶ *Моммзен Т.* История Рима. Т. 1. М., 1936. С. 26; *Маяк И.Л.* Рим первых царей. М., 1983. С. 81–83; *Kornemann E.* Römische Geschichte. Bd 1. 2. Aufl. Stuttgart, 1941. S. 96 f.; *Delz G.* Der griechische Einfluss auf die Zwölf Tafelgesetzgebung // МН. 1966. 23. 2. S. 69–83; *Peruzzi E.* Money in Early Rome. Firenze, 1978; *idem.* Prestiuti micenei in Latino // Studi Urbinati. 1973. 13. Suppl. ling. I. P. 7–60.

⁷ *Altheim F.* Griechische Götter im alten Rom. Giessen, 1930; *idem.* Geschichte der lateinischen Sprache bis zum Beginn der Literatur. Frankfurt a.M., 1951; *Pasquali G.* Preistoria della poesia romana. Firenze, 1936; *Norden F.* Aus altrömischen Priesterbüchern. Lund, 1938; *Mazzarino S.* Dalla monarchia allo Stato repubblicano. Catania, 1945; *Tondo S.* Profilo di storia costituzionale romana. I. Milano, 1981. P. 38–43; *Voci P.* Diritto sacro romano in età arcaica // SDHI. 1953. 19. P. 84 sg. Об археологических открытиях следов микенской культуры в Лации см. *Peruzzi E.* Mycenaean in Early Latium. Roma, 1980.

⁸ *Dionys.* I. 5. 1: «И в этом сочинении я обещаю показать и то, что римляне сами являются эллинами, а не сбродом из очень слабых или незначительных народов» (пер. И.Л. Маяк); VII. 70. 1: «...Я не должен обойти вниманием ритуалы, исполняемые римлянами в связи с этим праздником, ... чтобы убедить..., что народы, которые соединились при основании Рима, были эллинами, отправленными из наиболее известных мест, а не варварами или бродягами» (здесь и далее, где не указан переводчик – пер. автора).

⁹ См. *Копинов Л.Л.* Культ аргеев в архаическом Риме // Социальные структуры и социальная психология античного мира. М., 1993. С. 99–107.

¹⁰ *Liv.* I. 18. 2: «Наставником Нумы, за неимением никого иного, ложно называют самосца Пифагора» (пер. В.М. Смирин).

¹¹ *Cic.* De rep. II. 28–29: «Все это неверно, Манилий, и не просто вымышлено, а вымышлено невежественно и нелепо... Пифагор впервые приехал в Италию приблизительно через 140 лет после смерти Нумы» (пер. В. Горенштейна).

¹² *Cic.* Tuscul. IV. 2–3: «Рассматривая занятия науками, я по многим признакам вижу, что они у нас, хоть

учения Пифагора и сакральных норм Нумы. Особенно изобилует подобными, отнюдь не пустыми сравнениями сочинение знатока и последователя пифагореизма Плутарха (Num. 8; 14; 18; 22). Объяснить это сходство лишь позднейшим греческим влиянием III–II вв. до н.э., как это делают некоторые современные ученые¹³, не представляется возможным на том основании, что сходные черты несут в себе элементы именно примитивной, догосударственной идеологии. Поэтому наличие сходства следует объяснять другими причинами. Остановимся лишь на двух из них.

Во-первых, хотя Пифагор и был пришельцем из Самоса, привезшим с собой астрологию халдеев, геометрию египтян и математику финикийцев¹⁴, однако более всего он прославился именно «наукой о жертвоприношениях и торжественных богослужениях»¹⁵. К тому же одной из главных его акусм было одобрение «верности отеческим обычаям и установлениям»¹⁶. Давно отмечено, что пифагореизм на юге Италии в VI–V вв. до н.э. представлял собой «замкнутую аристократическую секту»¹⁷. Следует лишь добавить, что, как всякое аристократическое учение архаической эпохи, пифагореизм был достаточно консервативен и обращен на сохранение обычаев предков. Действительно едва ли такие табу Пифагоровой науки о жертвоприношениях как «упавшее не поднимать», «не прикасаться к белому петуху», «хлеб не разламывать» (Arist. De Pyth. fr. 195 Rose), «ярмо не перешагивай», «воздерживайся от бобов» (Jambl. Protrept. 21. P. 106, 18 Pist.) и т.п., были вновь приобретенными кротонцами сакральными нормами. Скорее всего, пифагореизм сложился на базе слияния местных италийских и греческих религиозных обычаев и установлений. На это обращал внимание еще Т. Моммзен¹⁸, ссылаясь на знаменитые законы легендарного царя Итала, правление которого традиция относит ко II тыс. до н.э. Действительно, Аристотель локализует царство Итала в южной оконечности Италии между Скиллетийским и Ламетийским заливами¹⁹, т.е. как раз в районе г. Кротона – центра пифагорейцев. Согласно

и восприняты со стороны, были не только заимствованы, но и сохранены и развиты. На виду у наших предков был сам Пифагор... он жил в Италии в те самые годы, когда знаменитый... Лучий Брут освободил от царей наше отечество. Учение Пифагора... проникло... и в наше государство; и это не только предположение, но доказывается многими признаками. Кто поверит, что в те самые годы, когда в Италии цвела большими и могущественными городами так называемая Великая Греция, а в ней не было имени громче, чем сперва Пифагора, а потом пифагорейцев, – что в те годы слух наших земляков оставался замкнут для этих ученейших речей? (3) Я даже думаю, что именно из-за преклонения перед пифагорейцами к их числу позднейшими поколениями был причислен наш царь Нума... Подлинных следов пифагорейцев можно собрать множество...» (пер. М.Л. Гаспарова).

¹³ См., например: *Бобриникова Т.А.* Сципион Африканский. Воронеж, 1996. Кн. 2. С. 46 сл.; *Poucet J.* Recherches sur la légende sabine des origines de Rome. Louvain-Kingshasa, 1967. P. 138 ss.; *Grilli A.* Numa, Pitagora e la politica antiscipionica // *Politica e religione nel primo scontro tra Roma e l'Oriente.* Milano, 1982 (Contributi dell'istituto di storia antica. 8). P. 186–197.

¹⁴ *Porph.* Pyth. 1: «Мнесарх отвез его в Тир и привел к халдеям, где Пифагор и овладел всеми их знаниями». У греческого философа Анаксимандра Милетского он учился геометрии и астрономии (ibid. 11). В последнее время восточные путешествия и заимствования Пифагора подвергаются сомнению, см. *Жмудь Л.Я.* Пифагор и его школа. Л., 1990. С. 18–28.

¹⁵ *Isocr.* Busir. 28: «Пифагор из Самоса... в особенности отличился рвением, с которым подвизался в науке о жертвоприношениях и торжественных богослужениях, совершаемых в храмах» (пер. А. Лебедева).

¹⁶ *Aristox.* fr. 34 Wehrli; *Jambl.* De vita Pyth. 176.

¹⁷ *Андреев Ю.В.* Архаическая Греция // *История Европы.* Т. 1. М., 1988. С. 257; см. также: *Жмудь Л.Я.* Ук. соч. С. 30 сл.; *Чанышева А.Н.* Итальянская философия. М., 1975. С. 31–38.

¹⁸ *Моммзен.* Ук. соч. 122–134.

¹⁹ *Arist.* Polit. 1329 b (VII. 9. 2–3): «Древним, по-видимому является и установление сисситий, которые на Крите были введены в царствование Миноса, а в Италии – в еще гораздо более раннюю пору. Ученые из тамошних жителей рассказывают, что был некто Итал, царь Энотрии; по имени его энотры переименовали свое название на италов, и от него же получила название Италии та береговая полоса Европы, которая тянется между Скиллетийским и Ламетийским заливами, разделяемыми расстоянием в полдня пути. 3. Передают, что этот Итал сделал энотров, которые вели кочевой образ жизни, земледельцами, дал им новые законы и впервые установил сисситии; и теперь еще кое у кого из потомков Итала существуют сисситии и применяются некоторые из изданных им законов» (пер. С.А. Жебелева). Ср. *Dionys.* I. 12. 3.

Аристотелю, Итал, как минимум, современник Миноса, ввел среди прочих закон о сисситиях, а этот институт занимал в пифагореизме чуть ли не центральное место. Любопытно, что по мнению Аристотеля, эти законы Итала применялись кое-где на юге Италии еще и в его время. Известны многочисленные легенды, излагаемые западногреческими историками V в. до н.э., например, Антиохом Сиракузским, связывающие родственными отношениями царей Итала и Латина, а также основание древнейшего, доромулова Рима с правлением Итала и его потомков²⁰. Таким образом, традиция указывает на существование древнейших общешиталийских правовых и религиозных институтов. Следовательно, Нума, жители Кур и вообще всей южной части Италии, включая Лаций, с одной стороны, и пифагореизм – с другой, могли иметь общий, гораздо более древний, чем сам пифагореизм или законы Нумы, источник влияния, общие обычаи предков, восходящие ко II тыс. до н.э.

Во-вторых, что касается еще одной причины, то она тесно связана с политической ситуацией в Италии конца VI в. до н.э. Как известно, VI в. отмечен длительной войной южноиталийских городов и их союзников с карфагенянами на юге и этрусками на севере. Эта война осложнялась социальной борьбой внутри и между греческими городами. Согласно традиции, «олигархическая партия» Пифагора и его сторонников пришла к власти в целом ряде южноиталийских городов. Широко известен разгром кротонцами сибаритов в 510 г. до н.э. В этот период особенно сильным было и идеологическое влияние пифагорейцев не только на греков, но и на все города Италии. По словам современника и ученика Аристотеля – Аристоксена, к Пифагору среди прочих народов приходили учиться мудрости и римляне²¹. Если верить утверждению Аристоксена, то римляне имели непосредственный контакт с Пифагором незадолго до изгнания Тарквиниев и установления аристократической республики. Еще более удивительные сведения мы находим у ученика и младшего современника Пифагора – Эпихарма, известного своими акростихами и нововведениями в греческом алфавите²². По словам Плутарха, этот автор писал, что римляне даровали Пифагору права гражданства²³. Союз греков и римлян в борьбе с пунийцами и этрусками вполне естествен²⁴. В связи с этим не случайно противопоставление греками благородного латина «дикому тирренцу»²⁵. Граница влияния греков и этрусков проходила как раз по Тибру²⁶. Близость греков и римлян была столь значительна, что Ливий, описывая поход этрусского царя Порсены в конце VI в. до н.э. против Рима и итальянских греков,

²⁰ *Dionys.* I. 72. 6: «А Дионисий Халкидец объявляет Рома основателем города и говорит, что он, согласно одним, был сыном Аскания, а другим – Этатиона. Но есть такие, кто рассказывает, что Рим был основан Ромом, сыном Итала, а матерью его была Левкария, дочь Латина»; I. 73. 4: «Антиох Сиракузский... рассказывает... следующее: "Когда Итал состарился, воцарился Маргет. А к нему прибыл муж, беглец из Рима. "Имя ему было Сикел"» (пер. И.Л. Маяк).

²¹ *Porph.* *Ryth.* 22: «Поселившись здесь, он увидел, что города Италии и Сицилии находятся в рабстве друг у друга... и вернул им вольность, поселив в них помышления о свободе через своих учеников, которые были в каждом городе... Даже луканы, мессаны, пекветии, римляне, по словам Аристоксена, приходили к нему. И не только через своих друзей умирал он раздоры внутренние и междоусобные, но и через их потомков во многих поколениях и по всем городам Италии и Сицилии» (пер. М. Гаспарова).

²² *Diog. Laert.* VIII. 78: «Эпихарм... тоже был учеником Пифагора... В большинстве записок он сочинил акростихи»; *Theocr.* *Epigr.* XVIII: «Сам дориец, по-дорийски Эпихарм писал, сей муж избрал комедию»; *Plin.* N.H. VII. 192: «Согласно Аристотелю, древний алфавит состоял из 18 букв..., а две буквы Θ и Χ были добавлены, по его мнению, Эпихармом...».

²³ *Plut.* *Num.* 8: «римляне даровали Пифагору права гражданства, как сообщает в книге, посвященной Антенору, комик Эпихарм, старинный писатель и приверженец Пифагорова учения» (пер. С.П. Маркиша).

²⁴ О необходимости такого союза говорит и содержание первого договора Рима с Карфагеном, датируемого 509 г. до н.э. С одной стороны, карфагеняне обещают римлянам запретить союзным им пунийцам нападать на Рим, с другой стороны, они предлагают римлянам равенство торговых прав на Сицилии (*Polyb.* III. 22–23). О греко-римских связях этого периода см.: *Mazzarino.* *Op. cit.*; *Ferrero L.* *Storia del Pitagorismo nel mondo romano.* Napoli, 1955.

²⁵ *Момзен.* Ук. соч. С. 134.

²⁶ Там же. С. 134 сл.

ошибочно называет греческие Кумы латинским городом²⁷, а гораздо более ранний автор – Гераклид Понтийский – точно так же ошибочно причисляет Рим к греческим городам²⁸. Аристотель же вообще считает, что древнейший Рим был основан греками (Arist. fr. 609 Rose).

В связи с вышесказанным в несколько ином свете представляется и антиэтрuscoский переворот в Риме 510 или 509 г. до н.э. Сами организаторы переворота Луций Юний Брут и Валерий Публикола отмечены традицией как мудрецы-законодатели вполне в духе пифагорейского учения. Так, согласно легенде, Брут получил прекрасное образование (Dionys. IV. 68), уже в молодости проявил мудрость в чисто пифагорейском толковании дельфийского оракула²⁹, отменил кровавые человеческие жертвоприношения этрусков³⁰ и ввел греческие культы³¹. Его приверженность скромному образу жизни, молчаливость, суровость в отстаивании государственных интересов, спокойствие и выдержка также роднят его с пифагорейским учением. Цицерон даже наделяет его высшей философской мудростью (summa prudentia), скрывавшейся под маской глупости (Cic. Brut. 53). Наконец, сам факт, что он, по словам Манилия³², был подобно Ромулу, Сципиону Африканскому и Цицерону причислен римлянами к героям, обретшим свое место на Млечном пути звездного небосклона, косвенно связывает его с авгурским искусством дивинации. Что касается Валерия Публиколы, то традиция также изображает его красноречивым оратором (Dionys. V. 17.3), мудрым законодателем (Liv. II. 8. 1–3), в общем – философом в истинно римском духе, которому Дионисий приписывает принцип «богатым является не тот, кто много приобрел, а тот, кто довольствуется немногим». Принципами его жизненной философии были умеренность и разумный образ жизни, воспитание достойных детей³³.

²⁷ Liv. II. 14. 5–6: «Прекратив войну с римлянами, Порсена... послал своего сына Аррунта с частью войск осадить Арицию. Арицийцы, получив помощь от латинских племен из Кум... решились на сражение» (пер. Н.А. Поздняковой).

²⁸ Plut. Cam. 22: «Гераклид Понтийский пишет..., что от гипербореев пришло войско и захватило греческий город Рим..., что Рим взяли кельты, несомненно слышал философ Аристотель...»; см. также Штаерман Е.М. Эллинизм в Риме // Эллинизм: восток и запад / Под ред. Е.С. Голубцовой. М., 1992. С. 149; Tondo. Op. cit. P. 38 sg.

²⁹ Dionys. IV. 69; Liv. I. 56. 11–12; Cic. Brut. 53.

³⁰ Macrobi. Sat. I. 7. 34–35: «...cum ludi per urbem in compitis agitabantur, restituti scilicet a Tarquinio Superbo Laribus ac Maniae ex responso Apollinis, quo praeceptum est ut pro capitibus capitibus supplicaretur... Inde aliquamdiu observatum, ut pro familiarum sospitate pueri mactarentur Maniae deae, matri Larum. Quod sacrificii genus Iunius Brutus consul pulso Tarquinio aliter constituit celebrandum nam capitibus alii et papaveris supplicari iussit ut responso Apollinis satis fieret de nomine capitum remoto scilicet scelere infaustae sacrificiationis: factumque est ut effigies Maniae suspensae pro singulorum foribus periculum, si quod immineret familiis, expiarent... («...когда в городе проводились празднества Компиталий, восстановленные, как известно, Тарквинием Гордым ради Ларов и Манов по оракулу Аполлона, в котором было предписано, чтобы за каждую голову приносились в жертву [человеческие] головы... Поэтому в течении некоторого времени соблюдалось (правило), чтобы за каждого уцелевшего [римлянина] матери Ларов богине Маниии приносились в жертву дети из членов семьи. После изгнания Тарквиния консул Брут постановил справлять этот род жертвоприношений иначе. Ведь он приказал, чтобы (маны) умилоствивлялись другими головами, а именно – маковыми головками, так как оракулу Аполлона достаточно, надо думать, чтобы злодеяние несчастного жертвоприношения заменялось лишь формой голов. И было сделано так, чтобы вместо душ отдельных людей посвященные Маниии фигурки искупали опасность, если таковая угрожала домохозядам»).

³¹ Mastrocinque A. Lucio Giunio Bruto. Ricerche di storia, religione e diritto sulle origini della repubblica romana. Trento, 1989. P. 56–58.

³² Manil. Astron. I: «Или души героев, освободившись от тел и покинув Землю, поднимаются ввысь и на небе, которого они достойны, живут в веках?... И воины Рима, их больше других в небесной выси: ...Брут, основатель города, спасенного от царя...».

³³ Dionys. V. 48. 1: «В консульство этих мужей, заболев, скончался Публий Валерий по прозвищу Попликола, почитавшийся наилучшим из всех римлян того времени во всех доблестях... 2. Итак, муж этот... не был охвачен сребролюбием, порабошающим всех людей и заставляющим их поступать непристойно... Он оставался при своем незначительном, доставшемся от отца имуществе, ведя образ жизни разумный, независимый и наиболее желательный из всех (других). И при таком небольшом состоянии он воспитал

Так вот именно эти философствующие государственные мужи отменили Тарквиниевы законы и восстановили законы Нумы и Сервия Туллия³⁴. К этому добавляется еще и сообщение традиции о том, что именно в конце VI в. до н.э. законы Нумы «о священных ритуалах», записанные Анком Марцием на деревянных досках и утраченные ввиду непрочности материала, были восстановлены понтификом Гаем Папирием³⁵. Думается, что это «восстановление» сакральных норм Нумы в конце VI в. до н.э., когда политическое влияние пифагорейцев на всю южную Италию было особенно сильным, могло происходить не без влияния пифагорейской «науки о жертвоприношениях»³⁶. Однако влияние пифагореизма на сакральное право римлян не было эпизодическим.

В в. до н.э. отмечен влиянием пифагореизма на римлян через ученика Пифагора Эмпедокла³⁷. Этот современник законов XII таблиц прославился своим учением о равенстве сословий (*Diog. Laert.* VIII. 2. 72), а также изложением пифагореизма в песенной форме. Цицерон, ссылаясь на XII таблиц, подчеркивает, что песенная форма и размер именно тогда были заимствованы у пифагорейцев (*Cic. Tuscul.* IV. 3–4), Прямых сведений о влиянии Эмпедокла на римлян V в. до н.э. у нас нет, однако Диоген Лаэртский со ссылкой на автора конца III в. до н.э. Гиппобота утверждает, что статуя этого пифагорейца была установлена на римской форуме перед зданием сената³⁸. Возможно, статуя эта была установлена на форуме и не в V в. до н.э., а где-то в IV–III вв. до н.э., однако это не исключает более раннего знакомства римлян с «Очищениями» Эмпедокла.

Следы влияния пифагореизма можно найти и в законах XII таблиц. Известно, что при создании децемвирального свода римляне обращались к заимствованиям из различных греческих полисов южноиталийской и материковой Греции³⁹. Сами греки придавали большое значение своей роли в создании XII таблиц. Бытовало даже некое древнее предсказание сивиллы о мудром муже ионийском, которому предстояло прибыть в Италию и даровать римлянам законы⁴⁰. Пифагорейцы стремились видеть в этом «ионийском муже» Пифагора, Гераклит же Эфесский, недолюбливавший Пифа-

---

детей (вполне) достойными своего рода и сделал для всех ясным, что богатым является не тот, кто много приобрел, а тот, кто довольствуется немногим».

³⁴ *Dionys.* V. 2. 2: «Ведь они возродили написанные Туллием законы об обязательствах, которые казались гуманными и демократичными и которые Тарквиний все полностью отменил», *Dionys.* V. 20. 1: «При этих консулах... были проведены цензы имущества и определены налоги на войну, как это установил царь Туллий, и которые, будучи в пренебрежении в течение всего времени правления Тарквиния, тогда при этих консулах были впервые восстановлены».

³⁵ Подробнее об этом см. *Кофанов Л.Л.* К вопросу о палингенезе XII таблиц // *Законы XII таблиц* (пер. Л.Л. Кофанова). М., 1996. С. 184, 188 сл.

³⁶ См. о влиянии пифагореизма на Папириев сборник: *Tondo S. Leges regiae e patricidas.* Firenze, 1973. P. 48–55.

³⁷ Время рождения Эмпедокла точно неизвестно, хотя в литературе утвердилась приблизительная дата 490–484 гг. до н.э. (см. *История греческой литературы.* Т. 2. М., 1955. С. 164). Однако Диоген Лаэртский со ссылкой на историка Тимея и самого Эмпедокла (*VIII.* 2. 54) указывает, что он был учеником самого Пифагора. Как бы то ни было, пифагореизм Эмпедокла проявляется и в самом его учении, а расцвет его деятельности приходится на 60–40-е гг. V в. до н.э. (см. *Фрагменты ранних греческих философов / Сост. А.В. Лебедев.* Ч. 1. М., 1989. С. 330–414).

³⁸ *Diog. Laert.* VIII. 2. 72: «Статуя Эмпедокла... с непокрытой головой, стояла перед римским сенатом (так говорит Гиппобот)...». Как известно, на комиции перед зданием сената статуи ставили лишь тем, кто оказал неоценимые услуги римскому народу. См. *Plin.* N.H. XXXIV. 9. 17; 14. 30.

³⁹ *Dionys.* X. 51. 5; 54. 3; 56. 5; 57. 5.

⁴⁰ Так приписываемое Гераклиту письмо к Гермодору (*Ps. Heraclit. Epist.* VIII) гласит следующее: «Дай мне знать, Гермодор, когда ты решил отчалить в Италию. Пусть боги и демоны той страны примут тебя милостиво! Мне приснилось, как к твоим законам подходили цари со всего обитаемого мира и, падая перед ними ниц, поклонялись по персидскому обычаю... (2) Среди прочего сивилла предсказала и следующее: "Мудрый в Италию муж придет из страны ионийской". Она предвидела тебя за столько веков, Гермодор...» (пер. А.В. Лебедева).

гора за то, что тот якобы украл его философию⁴¹, обращал это предсказание на своего друга и последователя Гермодора⁴². Об участии Гермодора Эфесского в составлении XII таблиц сообщают многие как греческие, так и латинские писатели⁴³. Согласно Плинию, римляне в благодарность даже поставили ему статую на форуме⁴⁴. Можно даже проследить возможное влияние Гермодора на римские законы. Так, например, Гераклит (или близкий ему по времени подражатель) сообщает, что эфесцы изгнали его за законопроект, предоставлявший вольноотпущенникам равенство гражданских прав, а их детям – равенство привилегий⁴⁵. В то же время известно, что у римлян в VI–V вв. до н.э., в отличие от других народов Средиземноморья, действовала именно эта система предоставления гражданства вольноотпущенникам⁴⁶.

Однако в XII таблицах есть следы и пифагореизма. На них указывает Дионисий, говоря о заимствованиях децемвиров из законодательства южноиталийских полисов⁴⁷. Так, давно обращено внимание на хотя и позднее, но уходящее корнями в древность наименование законов XII таблиц как *ter tabulae quaternae*⁴⁸, т.е. «трижды по четыре таблицы». Что касается четверки, то она, по мнению пифагорейцев, олицетворяла саму справедливость, так что клятву четверицей они почитали за величайшую⁴⁹. Тройку же пифагорейцы и римляне почитали за совершенное, свойственное божественному мужскому началу число⁵⁰. Тройка понималась как начало, середина и конец

⁴¹ *Diog. Laert.* IX. 1. 1: «Гераклит... всех презирал, как это явствует из его сочинения, где он говорит: "Многознание уму не научает, а не то научило бы Гесиода и Пифагора"»; *Diog. Laert.* VIII. 1. 6: «Гераклит чуть не в голос кричит: "Пифагор, сын Мнесилоха, превыше всех людей занимался собиранием сведений и, понадегав себе эти сочинения, выдал за свою собственную мудрость многознание и мошенничество"» (пер. М.Л. Гаспарова).

⁴² *Ps. Heraclit. Epist.* IX. 6: «Кто подчинится твоим законам, Гермодор, те станут лучше, не досадуя. Провидит это моя личность, которая для каждого – его божество. И подчинится, и вся власть будет у них в руках, если будут подражать природе» (пер. А.В. Лебедева).

⁴³ D. 1. 2. 2. 4 (*Pomp.*): *Quarum ferendarum (legum) auctorem fuisse decemviri Hermodorum quendam Ephesium exulantem in Italia quidam rettulerunt* («Некоторые (авторы) сообщают, что инициатором принятия этих законов был для децемвиров некий Гермодор Эфесский, изгнанник, живший в Италии»); *Strabo.* XIV. 1. 25: «Знаменитые люди родом из этого города следующие: из древних Гераклит по прозвищу Темный и Гермодор, о котором сам Гераклит говорит: "Всех до одного стоит повесить тех эфесцев, которые изгнали Гермодора, полезнейшего среди них человека, говоря: пусть не будет среди нас самого полезного; если же такой человек найдется, то пусть он живет в другом месте и среди других людей". Этот человек, по-видимому, написал для римлян некоторые законы» (...βοκεῖ δ' ὄλιτος ὁ ἀνὴρ ὠφέλιος τινὰς Ῥωμαίους στυγέειν).

⁴⁴ *Plin.* N.H. XXXIV. 21: *Fuit et Hermodori Ephesii statua in comitio, legum quas decemviri scribebant interpretis, publice dicata* («На комиции была также публично освященная статуя Гермодора Эфесского, переводчика законов, которые писали децемвиры»).

⁴⁵ *Ps. Heraclit. Epist.* IX. 1: «За что, спрашивается, эфесцы изгоняют тебя – самого доблестного гражданина. За что, спрашивается, как не за то, что ты написал законы, предоставляющие вольноотпущенникам равенство гражданских прав, а их детям – равенство привилегий?» (пер. А.В. Лебедева).

⁴⁶ *Liv.* II. 5. 9; *Dionys.* IV. 24. 1–8; *Plut.* Num. 23; *Coriol.* 24.

⁴⁷ *Dionys.* X. 51. 5; 54. 3.

⁴⁸ *Auson.* *Idyll.* XI. 61–62: *Ius triplex, tabulae quod ter sanxere quaternae / Sacrum, privatum, populi commune quod usquam est* («Из трех частей состоит и все то право, которое трижды по четыре таблицы санкционировали как сакральное, как частное и как общее для народа»). Комментарий к этому отрывку из Авсония см. *Diliberto O.* *Conoscenza e diffusione delle XII Tavole nell'età del basso Impero // Древнее право.* 1997. 2. С. 74–83.

⁴⁹ *Procl.* *De orig.* 1. 3. 8: «Поэтому монадически число – в десяти, а согласно потенции – в четырех. Вот почему пифагорейцы клялись четверицей, почитая ее величайшей клятвой»; *Alex. Aphrod.* *Comm. ad Arist. Metaph.* A. 5. 985 b 23. p. 38, 10: «Полагая отличительным признаком справедливости эквивалентность и равенство и находя это свойство в числе, они определяли справедливость как первое квадратное число... Этим числом одни считали четыре, так как это первый квадрат... а другие – девять, так как это первый квадрат нечетного числа трех, умноженного на самого себя».

⁵⁰ *Serv. Eclog.* 8. 75: *NUMERO DEUS IMPARE GAUDET* aut quicumque superiorum, iuxta Pythagoreos, qui ternarium numerum perfectum summo deo adsignant, a quo initium et medium et finis est: aut re vera Hecaten dicit, cuius triplex potestas triplici signo ostendatur, ut lovis trifidum fulmen, Neptuni tridens, Plutonis canis triceps. Apollo

и связывалась с общесредиземноморским древнейшим культом троицы Бога-отца Дита, бога-сына Юпитера и Аполлона (Dionys. I. 19. 3). Особое отношение к цифре три проявляется во многих нормах XII таблиц – это и троекратная манципация сына, и право трех ночей, и казнь несостоятельного должника в третьи нундины и т.д. В такой интерпретации понятна характеристика римскими писателями XII таблиц как начала и конца справедливости⁵¹. Как известно, в V в. до н.э. именно пифагорейцы были особенно знамениты сведением всех телесных вещей к магической игре цифр, к определенному числу⁵².

Заметно влияние пифагореизма и в децемвиральных фастах, подтвердивших двенадцатимесячный год⁵³, и в нормах погребального ритуала. Далее, принцип талиона XII таблиц вполне соответствует пифагорейскому принципу справедливого возмездия каждому соответственно преступлению⁵⁴. Впрочем, многие черты были одинаково свойственны не только грекам-пифагорейцам и римлянам, но и другим греческим полисам и вообще средиземноморским народам, однако при абсолютном преобладании пифагорейского учения на юге Италии в V в. до н.э. (Cic. Tuscul. IV. 2–3) и при наличии сведений о заимствованиях децемвиров именно из законодательства южноиталийских греческих городов логично допустить влияние именно пифагореизма на законы XII таблиц.

Обращаясь к дальнейшей истории взаимоотношений южноиталийских греков и римлян, можно отметить, что пифагореизм не потерял своего авторитета и в Риме IV в. до н.э. По крайней мере, именно концом IV в. до н.э. датируется возведение по повелению сената на римском Форуме статуи Пифагора как самого мудрого с точки зрения римлян грека⁵⁵. К этому же времени относится и деятельность пифагорейца Аппия Клавдия Цека⁵⁶.

Однако судить о степени влияния пифагореизма на законы XII таблиц достаточно сложно, так как децемвиральные нормы сакрального права, где это влияние было наиболее сильным, почти не сохранились. Поэтому обратимся, наконец, от истории к анализу самого сакрального права эпохи от Нумы Помпилия до децемвиров, дабы подтвердить или опровергнуть настоячивые утверждения греков о влиянии пифагореизма на древнейшее сакральное право римлян. Наиболее полно черты пифагореизма в сакральном праве Нумы Помпилия рассматривает Плутарх. При поверхностном анализе данные Плутарха не выдерживают никакой критики, на что давно обратили

---

idem Sol, idem Liber. et quod omnia ternario numero continentur, ut parcae, furiae; Hercules etiam trinoctio conceptus: musae ter ternae: aut 'impare' quemadmodumcumque: nam septem chordae, septem planctae, septem dies nominibus deorum, septem stellae in septemtrione, et multa his similia. et impar numerus immortalis, quia dividi integer non potest: par numerus mortalium, quia dividi potest: licet Varro dicat Pythagoreos putare, imparem numerum habere finem, parem esse infinitum: ideo medendi causa multarumque rerum impares numeros servari. 'impare' autem propter metrum ait: nam 'ab hoc impari' dicimus.

⁵¹ Liv. III. 34. 3: «Они сказали, что уравнили в правах всех – и лучших и худших» (omnibus, summis infimisque, iura aequasse); Tac. Ann. III. 27: «...децемвиры, которые, взяв отовсюду все лучшее, составили двенадцать таблиц, последний свод равноправия» (creatique decemviri et, accitis quae usquam egregia, compositae duodecim tabulae. finis aequi iuris); см. также Cic. De rep. II. 61; Flor. Epit. I. 24. 1.

⁵² Жмудь. Ук. соч. С. 159–180.

⁵³ О фастах XII таблиц см. Кофинов. К вопросу о палингенезе... С. 182.

⁵⁴ Arist. EN. 8. 1132 b 21: «По мнению некоторых, справедливость в абсолютном смысле – это воздаяние равным; так считали, например, пифагорейцы, они определяли справедливость в абсолютном смысле как "воздаяние, равное [ущербу, причиненному] другому"» (пер. А.В. Лебедева).

⁵⁵ Plut. Num. 8: «однажды оракул повелел римлянам воздвигнуть у себя в городе статуи самому мудрому и самому храброму из греков, и тогда-де они поставили на Форуме два бронзовых изображения: одно – Алкивиада, другое – Пифагора». Plin. N.H. XXXIV. 12. 26: «Я узнал также, что на углах Комиция были поставлены статуи Пифагору и Алкивиаду, когда в Самнитскую войну Аполлон Пифийский повелел посвятить на людном месте одно изображение отважнейшему из греческого народа и другое – мудрейшему... И странно, что сенаторы Сократу... предпочли Пифагора».

⁵⁶ Так, известно упоминание Цицерона: "Даже стихи Аппия Клавдия, которые так хвалит Панетий в одном письме Туберону, кажутся мне написанными в пифагорейской манере» (Tuscul. IV. 2. 4). О пифагореизме Аппия Клавдия Цека см. Ferenczy E. From Patrician State to Patricio-Plebeian State. Budapest, 1976. P. 214 f.

внимание современные историки⁵⁷. Так, бескровность жертв, якобы установленная Нумой⁵⁸ в соответствии с акусмой Пифагора, запрещающей приносить в жертву животных⁵⁹, опровергается самим же Плутархом, согласно которому, например, «вдова, снова вступавшая в брак до истечения 10 месяцев, по законам царя Нумы, приносила в жертву богам стельную корову» (Num. 12). Примеров кровавых жертвоприношений в соответствии с римским понтификальным правом можно привести множество. Также обращают внимание на несостыкованность утверждения Плутарха относительно запрета поклоняться богам в образе человека или животного, создавая их изображения и статуи⁶⁰. Ведь Плиний Старший указывает, что сам Нума посвятил Двуликому Янусу статую⁶¹.

Однако здесь необходимо отличать все сакральное право римлян от отдельных его частей. Известно древнейшее деление сакрального права на понтификальное и авгуральное, и если понтифики ведали всеми кровавыми жертвоприношениями и ритуалами, то авгуральное право было напрочь лишено их⁶². Бескровны жертвы, фимиам вместе с молитвами воскурялись на алтаре, называвшемся ага, находившемся внутри храма, возле так называемого *delubrum* – символа бога, сделанного из очищенного от коры дерева или палки⁶³. Сам Плиний в рассказе о Нумовой статуе Януса с удивлением отмечает, что внутри храмов очень долгое время, вплоть до покорения Азии, символами богов были подобные описанному Фестом *delubrum* деревянные или же глиняные изображения богов⁶⁴.

Что же касается алтаря вне стен храма, то на нем понтификами всегда совершались искупительные жертвоприношения животных⁶⁵. Таким образом, говоря о влиянии пифагореизма, следует иметь в виду прежде всего ту часть римского сакрального права, которая находилась в ведении авгуров. Здесь мы найдем множество соответствий пифагорейской науке «о жертвоприношениях и торжественных богослужениях». Так, «тесное общение с божеством», о котором говорит Плутарх⁶⁶ – это, по словам Цицерона, главная обязанность авгуров, являвшихся интерпретаторами воли Юпитера и его советчиками⁶⁷. Далее, как уже отмечалось, авгуры никогда не почитали статуи

⁵⁷ Бобровникова. Ук. соч. С. 45.

⁵⁸ *Plut. Num.* 8: «Порядок жертвоприношений полностью следует пифагорейским обрядам: жертвы были бескровны».

⁵⁹ *Diog. Laert.* VIII. 1. 20: «Живых тварей он никогда не приносил в жертву, разве что (по некоторым известиям) только петухов, молочных козлят и поросят, но никак не агнцев».

⁶⁰ *Plut. Num.* 8: «Распоряжения Нумы касательно статуй богов – родные братья Пифагоровых догм: ...царь запретил римлянам чтить бога в образе человека или животного, и в древности у них не было ни написанных, ни изваянных подобий божества. На протяжении первых 170 лет, строя храмы и воздвигая священные здания, они не создавали вещественных изображений» (пер. С.П. Маркиша).

⁶¹ *Plin. N.H.* XXXIV. 34: «О том, однако, что в Италии было свое искусство скульптуры в меди, причем с древних времен, свидетельствует... посвященный царем Нумой Двуликий Янус, который почитается как символ мира и войны, с пальцами, сложенными так, что они знаком 365 дней, или обозначением годового времени, указывают, что он бог и периодов времени» (пер. Г.А. Тароняна).

⁶² *Wissowa G. Augures* // RE. Hlbd 2. Sp. 2313–2344.

⁶³ *Fest.* 64 L: *Delubrum dicebant fustem delibratum, hoc est decorticatum, quem venerabantur pro deo* («*Delubrum* называли ободранную, то есть очищенную от коры палку, которую почитали вместо бога»).

⁶⁴ *Plin. N.H.* XXXIV. 34: *Mirumque mihi videtur, cum statuarum origo tam vetus Italiae sit, lignea potius aut fictilia deorum simulacra in delubris dicata usque ad devictam Asiam, unde luxuria* («И мне представляется удивительным, что, несмотря на появление статуй в Италии с такого древнего времени, изображения богов в святилищах посвящались предпочтительнее деревянные или глиняные вплоть до покорения Азии, откуда роскошь» – пер. Г.А. Тароняна).

⁶⁵ Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей. СПб., 1885. С. 122.

⁶⁶ *Plut. Num.* 8: «Ведь и в философии Пифагора и в государственном устройстве Нумы важное место занимало тесное общение с божеством».

⁶⁷ *Cic. De leg.* II. 20–21: *Interpres autem Iovis optimi maximi, publici augures, signis et auspiciis postera vidento* («Государственные авгуры, интерпретаторы воли Юпитера Всеблагого Величайшего, на основании знамений и ауспий да узнают грядущее»); III. 43: *Est autem bono auguri meminisse... Iovique optimo maximo*

богов, но свои молитвы обращали к небу. Символ их власти – *lituus* – изогнутая деревянная палка, которой они разделяли небо на части, был вполне сродни тем деревянным *delubra*, которые находились в храмах богов древнейшего Рима. Что касается жертвоприношений авгуров, то они действительно были бескровны. Так, хорошо известна роль авгуров в межевании полей и освящении виноградников. По утверждению агрименсоров, последователей авгуров в системе межевания полей, жертвы, приносимые Термину при разделении границ, обязательно должны были быть бескровными⁶⁸. То же самое можно сказать и об обходе авгурами так называемых «аргейских мест», когда фламийке Юпитера вполне в духе пифагорейства⁶⁹ запрещалось стричь и расчесывать волосы⁷⁰, а сами авгуры совершали обход по тропинкам, минуя большие дороги⁷¹. Наконец, принесение в жертву 27 соломенных чучел, сбрасываемых со свайного моста в Тибр во время «аргейских жертвоприношений» выполнялось вполне в духе пифагорейских бескровных жертв, имитирующих кровавые жертвоприношения лишь по форме⁷².

Обряд произнесения молитв в храме или священном месте, когда авгур должен был своим движением как бы очертить круг⁷³, а затем после нункупации садиться для наблюдения знамений с неба, выполнялся с пифагорейскими ритуалами. Далее, широко известно ритуальное соблюдение полной тишины при совершении авгурий и особое почитание авгурами музыки Такиты, что Плутарх справедливо сравнивает с обычаем пифагорейского молчания⁷⁴. Почитание авгурами нечетного числа, символизировавшего небесных богов, проявляется в обязательном нечетном числе членов самой их коллегии⁷⁵, и в представлениях о божественности всякой «троицы»⁷⁶. Что касается таинственного и скрытого смысла пифагорейских установлений, то известна обяза-

---

se consiliarium atque administrum datum («Долг добросовестного авгура помнить, что... он назначен советником и помощником Юпитеру Всеблагому Величайшему»).

⁶⁸ *Sicul. Flacc. De condic. agr. // Schriften der römischen Feldmesser. Bd I. B., 1848. S. 141.*

⁶⁹ *Iambl. Protrep. 21. P. 106. 18 Pist:* «27. Во время жертвоприношения ногтей не постригай»; «32. На обрезки своих волос и ногтей не плюй».

⁷⁰ *Aul. Gell. X. 15. 30:* «Когда она ходит к Аргеям, ей нельзя ни украшать голову, ни причесывать волосы» (*cum it ad Argeos, quod neque comit caput neque capillum depectit*).

⁷¹ *Ovid. Fast. III. 797 sq.:* «В этот же день (17 марта – Л.К.), как и в день предыдущий, я вспоминаю, ходят тропью к Аргеям (о них я в свое время скажу)» (*Itur ad Argeos (qui sint sua pagina dicet) hac. si contemini, praeterita die*); ср. с соответствующей акусмой пифагорейцев: *Iambl. Protrep. 21. P. 106. 18 Pist:* «4. Избегай больших дорог и ходи по тропинкам».

⁷² *Porph. Pyth. 36:* «Жертвы богам приносил он необременительно, угождая им мукой, лепешками, ладаном, миррою и очень редко – животными, кроме разве что молочных поросят. И даже когда он открыл, что в прямоугольном треугольнике гипотенуза имеет соответствие с катетами, он принес в жертву быка, сделанного из пшеничного теста, так говорят надежнейшие писатели» (пер. М.Л. Гаспарова). Ср. *Cic. De nat. deor. III. 88.*

⁷³ *Plut. Num. 14:* «О пифагорейском учении напоминают и многие другие предписания Нумы... молясь богам, поворачиваясь, а по окончании молитвы – садиться... Поворот во время молитвы воспроизводит, говорят, вращение вселенной. Скорее, однако, поскольку двери храмов обращены к утренней заре и, входя в храм, оказываешься к востоку спиной, молящийся сначала поворачивается лицом к солнцу, а потом снова к изображению бога, описывая полный круг...» (пер. С.П. Маркиша).

⁷⁴ *Plut. Num. 8:* «Нума именно музам приписывал большую часть своих прорицаний, а одну из них, которую он называл Такитой, что значит «молчаливая» или «немая», велел римлянам чтить особо; последнее, по-видимому, доказывает, что он знал и уважал обычай пифагорейского безмолвия» (пер. С.П. Маркиша).

⁷⁵ *Wissowa. Op. cit. Sp. 2317.*

⁷⁶ См. выше: *Serv. Eclor. 8. 75. Ср: Plut. Num. 14:* «Как пифагорейцы внушали... приносить в жертву небесным богам четное число животных, а подземным – нечетное, причем смысл каждого из этих установлений от толпы утаивался, так и смысл иных законов, идущих от Нумы, остается скрытым...»; *Porph. Pyth. 51:* «Так все, что в природе имеет начало, середину и конец, (пифагорейцы) по такой его природе называют Троицей, ...и все, что совершенно – тоже: все совершенное, говорят они, исходит из этого начала и им упорядочено, поэтому его нельзя назвать иначе чем Троицей...» (пер. М.Л. Гаспарова).

тельность сохранения авгурами тайны учения и устная передача его из поколения в поколение⁷⁷.

В отношении к дивинации особенно много сходства как в обряде разделения небесного свода на благоприятные и неблагоприятные части, так и в гадании по полету птиц, по звездам⁷⁸, по сновидениям и т.д.⁷⁹ Сами авгуры согласно праву должны были приступать к наблюдению за божественными знаменами духовно и физически очищенными. Так, например, не мог приступить к гаданию тот авгур, на теле которого имелась какая-либо рана или язва⁸⁰. Блюда священную чистоту, они подобно пифагорейцам⁸¹ должны были воздерживаться от бобовых⁸². Причем Плиний и Варрон считают этот пифагорейский запрет весьма древним ритуалом⁸³. Авгурам и фламину Юпитера как служителям небесных богов запрещалось прикасаться ко всему, используемому, как бобы, в хтонических культурах⁸⁴. Именно поэтому гадание по печени жертвенного животного производилось не авгурами, а специально приглашенными иностранцами-этрусскими гаруспиками⁸⁵.

Список сходных черт пифагорейских и авгуральных ритуалов можно было бы значительно расширить, однако приведенного материала достаточно, чтобы сделать вывод о близости южноиталийской и римской религиозных систем. Однако речь должна идти не столько о заимствовании римлянами пифагореизма, сколько о тесной связи и древнейшем взаимопроникновении культур данных ареалов. Как уже отмечалось, общим фундаментом обеих культур служили еще действовавшие в V–IV вв. до н.э. в

⁷⁷ *Plut. Q.R.* 99: «Почему... только авгур до конца жизни не утрачивает жреческого достоинства, хотя бы он был уличен в самых тяжких преступлениях? Может быть, как полагают некоторые, римляне не хотят, чтобы тайны священного обряда знал человек, не облеченный саном? Или, так как авгур связан клятвой, которая запрещает ему открывать священное знание, они опасаются, что, ставши частным лицом, он освободится от этой клятвы?» (пер. Н.В. Брагинской).

⁷⁸ В отношении гадания по звездам любопытно отметить, что римские авгуры, согласно их учению, при выборе места для храма ориентировались на его соответствие небесному *templum* того божества, которому посвящалось земное сооружение. Особенно интересно то, что римские авгуры втыкали в таких освященных местах так называемые *stellae* – металлические бляшки в форме звезды: *Fest.* 351 M: «Атей Капитон говорит, что *stella* означает "благоприятное" и "счастливое", согласно авторитету авгура П. Сервилия. словом *stella* называется то, что в виде металлической бляшки наподобие звезды втыкается в освященных авгуриями местах» (*stellam significare ait Ateius Capito laetum et prosperum, auctoritatem secutus P. Servilii auguris stellam quae ex lamella aerea adsimilis stellae locis inauguratis infigatur*).

⁷⁹ *Plut. Num.* 17: «Занимался Нума и движением небесного свода – хотя и не вполне основательно, но и не вовсе без знания дела»; *Cic. Divin.* I. 5: «Философами же были подобраны некоторые доказательства возможности истинной дивинации... Пифагор высоко поднял авторитет этого мнения, он ведь и сам хотел быть авгуром»; *Diog. Laert.* VIII. 1. 20: «Гадания (Пифагор) совершал по голосам, по птицам, но никогда по сжигаемым жертвам»; *Tert. De anim.* 46 (377. 8 *Wiss.*): «Из всех видов дивинации Эпихарм высшим считает сновидения».

⁸⁰ *Plut. Q.R.* 73: «Почему авгуру, у которого на теле есть какая-нибудь рана или язва, запрещено наблюдать за птицами? Не означает ли это, что священные обязанности может выполнять только тот, кто ни от чего не страдает, чья душа ничем не уязвлена, кто беспечален, безнужден и сосредоточен? Или же как для жертвоприношения не избирают большое животное или для гаданий нездоровых птиц, то тем важнее соблюдать, чтобы и сам священнослужитель, приступая к истолкованию божественных знамений, был чист, здоров и невредим: а всякая язва или рана – это нечто подобное ущербу и осквернению тела?» (пер. Н.В. Брагинской).

⁸¹ *Diog. Laert.* VIII. 1. 34: «От бобов воздерживаться Пифагор велел (по словам Аристотеля в книге о пифагорейцах)...». *Porph. Pyth.* 43: «Бобов он запрещал касаться, все равно как человеческого мяса».

⁸² *Plut. Q.R.* 95: «Почему те, кто хранит священную чистоту, должны воздерживаться от бобовых? Может быть, они воздерживаются от бобов по тем же общеизвестным причинам, что и пифагорейцы... Или же, вернее, для святой и непорочной жизни тело должно быть чисто и свободно от скверны, а бобовые пучат и производят излишек, от которого надо тщательно очищаться?» (пер. Н.В. Брагинской).

⁸³ *Plin. N.H.* XVIII. 118–119 (со ссылкой на Варрона).

⁸⁴ *Ovid. Fast.* II. 574: V. 436.

⁸⁵ *Cic. De leg.* II. 21: м «Знамения и чудеса – если сенат повелит – да передаются на рассмотрение этрусским гаруспикам. Этрурия да обучает первенствующих людей этой науке» (*Prodigia portenta ad Etruscos haruspices, si senatus iussit, deferunt, Etruriaque principes disciplinam doceto*).

ряде южноиталийских городов законы легендарного Итала, восходящие к крито-мекенскому периоду, оставившему в Италии достаточно заметный след. Культурные же контакты греков и потомков Энея, установившиеся еще в конце II – начале I тыс. до н.э., не ослабевали и в последующие века архаической истории Рима. Поэтому не так уж неправ Цицерон, намекая на то, что скорее Пифагор учился у римского царя Нумы Помпилия, нежели наоборот⁸⁶.

Л.Л. Кофанов

PYTHAGOREANISM IN THE ROMAN AUGURAL LAW

L.L. Kofanov

There are many books in Russian and foreign historiography devoted to the Greek influence on Rome and the Roman law. However these books, as a rule, deal with a rather late influence relating to the 3rd c. B.C. And when the influence of the archaic era is discussed, first of all it means that of Etruscans. But in the antique tradition there was a stable belief in a deep Greek influence just on archaic Rome in general and the Roman law in particular. Thus the legend about the Pythagoreanism of Numa Pompilius and the information of the tradition about pre-Roman legal customs, which were common for all South Italy, witness in favour of the existence of early common Greek and Latin layers. But both the reforms of the first Roman consuls and historical facts as well as the content of the XII tables show the influence of the Pythagorean science of sacrifices exerted on Romans at the end of the 6th-5th c. B.C.

The influence of Greeks and, particularly, that of Pythagoreanism on the Roman augural law is the most obvious. It can be traced in a number of religious regulations, namely, the interdiction of raising monuments to gods, that of eating meat and beans, the very character of fortune-telling by the flight of birds and by stars, the interdiction of going along straight roads, the doctrine of numbers, etc. Thus, one can draw a conclusion about the proximity of the religious systems of South Italy and Rome. However it looks more like a close connection between the cultures of these areas and their early interaction rather than the adoption of Pythagoreanism by Romans.

© 1999 г.

ТЕМА БОРЬБЫ С ПЛЕМЕНАМИ ЕВРОПЕЙСКОЙ САРМАТИИ И СКИФИИ В МОНЕТНОЙ ЧЕКАНКЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Народы, проживающие за лимесом на левом берегу Дуная и вдоль всей южной границы европейской Сарматии, оставались одним из наиболее опасных врагов римлян в течение всего периода Империи. Постепенно дунайские провинции превратились в арену напряженной борьбы Рима с варварами: здесь разворачивались драматические события Мезийской, Фракийской, Дакийской, Сарматской, Паннонской и Далматской войн Августа (Vell. Pat. II. 114–117; Flor. II. 24–29), задунайской экспедиции Тиберия Плавтия Сильвана (CIL XIV. 3608), дакийских и сарматского походов Домициана (Suet. Dom. 6; Tac. Agr. 41), Дакийских войн Траяна, восстания дунайских племен и Мар-

⁸⁶ Cic. Orat. II. 154: «Некогда Италия была набита пифагорейцами, во власти которых находилась так называемая Великая Греция; поэтому некоторые даже утверждают, что пифагорейцем был и сам царь Нума Помпилий, который жил на много лет раньше самого Пифагора и которого следует считать даже еще более замечательным уже потому, что он постиг мудрость устройства государства почти на два столетия раньше, чем греки догадались о ее существовании» (пер. Ф.А. Петровского).